

Порой меня спрашивают, как я отношусь к поэзии, создаваемой в эмиграции. Отвечаю словами булгаковского «иностранца» из Торгсина, покупавшего сёмгу – «Кароши люблю, плохой нет». Для творчества вообще избыточны всякого рода искусственные групповщины – всё равно, по эстетическим или, например, географическим признакам они создаются. Когда такие группы возникают естественно, это не вызывает отторжения, ибо продиктовано особенностями историко-культурных традиций, как продиктованы бывают особенности строения черепа у европеоидной и монголоидной расы, разрезы глаз и цвета кожи. Однако, как только чему-то начинает присваиваться некий критерий (в хорошую или плохую сторону, не важно), исходя из внешних, привнесённых или естественных факторов, я настаиваю. Ибо тут мы имеем дело уже не с мировым процессом во всём его радостном разнообразии, но с некой резервацией (или, если желаете, оранжереей), где выращивается нечто особое, однотипное, а потому или априорно «хорошее», или, не менее априорно, «плохое». Что, как мы понимаем, далеко не факт.

Эмиграция, носившая почти до самой середины 20 века преимущественно политико-экономический характер, изменилась. Она

приобрела черты явления, имеющего в том числе и культурные корни – люди снимаются с насиженных мест и переезжают в иные страны в поисках не только экономической стабильности и благополучия, но и ради общения с тем народонаселением, что наиболее близко им по менталитету. Корни таких миграций лежат в глубокой древности – были когда-то и варяги, навсегда становившиеся греками, и испанцы, становившиеся предками новых латиноамериканских индейцев, и арабы, обретавшие покой в землях рязанских и тамбовских. Культурная миграция намного интереснее экономической – она имеет большой потенциал творчества, получающего шанс раскрыться только за пределами страны рождения.

Среди таких мигрантов относительно много заметных имён, составляющих гордость мировой литературы (пока говорим именно о литературном процессе, хотя общие признаки есть в любом виде творчества). И в самом явлении есть те приметы, которые могут быть классифицированы и выделены в некую общность. Попробуем их увидеть, не забывая, однако того, что сказано в начале статьи: само по себе явление не несёт никакой гарантии того, что та или иная творческая личность, относящаяся к нему, априорно хороша или плоха.

Тут, как и везде в творческом процессе, всё индивидуально. Сугубо индивидуально.

Однако, мы имеем право поговорить о разнице в *инструментарии и ресурсах* – этот подход, как минимум, справедлив.

Для литературы материалом (и одновременно инструментом) является язык. И более того – сама языковая среда, так как язык нельзя рассматривать, как нечто данное изначально и застывшее в определённой, раз и навсегда неизменной словарной форме. Напротив – язык развивается. Ибо он следует тому процессу, ради которого возник и который обслуживает, – процессу национальной коммуникации.

Потребность в общении, потребность в донесении до окружающих своего мнения, своих догадок и прозрений, потребность в самоопределении и самовыражении – вот те первые киты из большой их стаи, на которых стоит планета литературы. Для всего прочего вполне достаточно знаков, а также мимики и жестов. Но общение – если оно имеет в приоритете не материальные, а духовные задачи (не «подайте соль, пожалуйста», а, например, «ты меня уважаешь?») – штука меняющаяся. Ибо меняются задачи. Одно дело общаться во времена брежневского «застоя» или царской социально-политической стабильности, и совсем другое во времена революций и перестроек. Каждый исторический период, изменяя приоритеты общения, изменяет и язык, придавая большее или меньшее значение тропу, ритмике, специфическому вокабуляру, новоязу, заимствованиям и т.п.

Более того, мы знаем, что порой язык даже более чутко реагирует

на сиюминутные перемены в жизни общества, чем цены акций на фондовой бирже. А потому, садясь в самолет или поезд, пересекая «двойную сплошную» паспортных контролей и таможен, человек, как бы мы ни пытались это отрицать, прежде всего выходит за рамки того живого языкового пространства, в котором жил до момента отъезда. И переходит в иную языковую среду, где приоритетом является не *совершенствование* аппарата общения, но *сохранение* этого аппарата – уберегание оногo от полного распада и растворения в иной языковой реальности.

Что в результате?

Общаясь с авторами-эмигрантами во время наших многочисленных встреч, обмениваясь написанным и отслеживая литературные процессы в закордонной русскоязычной среде, я не могу избавиться от чувства, что забрался в уэллсовскую машину времени и потянул на себя рычаг, отправляющий её в прошлое.

Особенно для меня это заметно, скажем, в Израиле. Может быть потому, что количество действительно интеллигентных и образованных русскоязычных людей на душу населения там значительно превышает аналоги в любой другой стране мира, куда отправлялись и отправляются наши люди на ПМЖ. А потому язык в той эмигрантской среде там сохраняется во вполне пристойном и весьма презентабельном виде. Однако, слушая русскую речь израильтян и читая стихи израильских поэтов, я всегда чувствую себя вернувшимся в 50-е - 60-е годы 20 века. Ритмы, построение фраз, словарь – всё это из того самого прошлого, о котором мы так часто вспоминаем с ностальгией, но которое сегодня скорее кинематографично (как кинематографична лошадь на улице Москвы или речь одесситов в «Ликвидации»), нежели функционально.

Да, наверное, в своей среде этот язык и вправду выполняет главную задачу – поддерживает и даже развивает коммуникации. Но не случайно в активных эмигрантских диаспорах так много новояза – чего стоит знаменитое брайтон-бичевское *«вам колбаску писиком или послайкать»*? Общение на местном уровне требует иной терминологии, а поскольку жизнь и быт на этих территориях обладают собственной многовековой лексической атрибутикой, куда проще и функциональнее воспользоваться чем-то из предлагаемого богатства, нежели заново проходить долгий и трудный процесс его формирования «с нуля».

Здесь мы можем обнаружить много более или менее близких аналогий: хотим мы того или нет, но, переезжая из России на ПМЖ в Африку, будем вынуждены вводить в рацион бананы. Или лимоны и перец – на Ближнем Востоке. Или маис и ГМО в США. И наш организм вынужден будет перестраиваться под новые пищевые реалии просто ради элементарной задачи – выжить. Вживаясь в чужую языковую

среду, мы же вынуждены адаптироваться, а следовательно – процесс изменения нашего собственного языка пойдет иными путями, чем те, по которым он движется на исторической Родине.

Естественное желание не утратить самоидентификацию (среди эмигрантов убывающе мало тех, кто в первом поколении становится полноценной частью нового социума не «по одежке», а «по уму») приводит к инстинктивной **консервации** исконных языковых предпочтений. «Продвинутые» семьи (а ля российские эмигранты первой волны) воспитывают и детей в языковой среде той страны, из которой уехали. Более прагматичные лишь наблюдают за тем, как в детях (а во внуках особенно) исчезает первичная коммуникативная традиция, заменяясь новыми языковыми реалиями.

Таким образом, когда мы общаемся с «эмигрантской поэзией», мы практически всегда – в 99,99999% случаев – имеем дело с **«консервированным языком»**. Это порой преодолевается некими футуристическими формами, где лексика не столь заметна – модернизм и верлибры, «пирожки» и «гарики» занимают там куда более заметную часть новой литературы, чем в родном Отечестве. Наличие интернета и отсутствие «железного занавеса» также немало помогают «держать руку на пульсе» основных языковых тенденций оставленной страны. Но ничто не заменит повседневного общения, когда язык окружает нас во всех своих формах и во всех социальных, профессиональных, образовательных и возрастных пластах. Разница примерно та же, как если бы мы ловили рыбу в Волге, в платном пруду и, наконец, в домашнем аквариуме. Во втором и третьем случаях уха, которую мы сварим из улова, будет иметь вполне адекватный, но и очень ожидаемый вкус. В первом – всякий раз образует собой некое чудо. То, что у Клиффорда Саймака в его «Заповеднике гоблинов» обозначено «волшебной непредсказуемостью. Там, если помните, речь шла о падении жучков в открытый чан, где варится знаменитый «октябрьский эль». Именно такое падение придавало вкусу эля «настоящность». Всё прочее было лишь имитацией.

Оговорюсь.

Я не склонен высчитывать процентное соотношение слабой поэзии, выходящей из-под пера неудержимо пишущих «резидентов» с количеством слабых стихов, написанных склонными к творчеству эмигрантами. Хорошего и по-настоящему поэтического и там, и там маловато. Как правило, мы имеем дело с неким вполне очевидным «лего-стихо-конструктором», из которого руками очередного любителя поиграть в литературные кубики собираются те или иные забавные фигурки и конструкции. Однако, даже в такой «литературе» – слабой и явно стремящейся «быть похожей на настоящую» описанные выше тенденции уже довольно легко прослеживаются.

...Однако, это не всё.

«Посетив сей мир в его минуты роковые», и ощутив в связи с этим неудержимое желание взяться за перо, мигрант и резидент опять-таки делают это по-разному. Хотя тут многие границы смываются за счет того, к какой группе примыкает пишущий – «за» он перемены или «против». Опять-таки, всякая групповщина, является она протестной или поддерживающей, тяготеет к неким общим тезисам и аспектам рассмотрения любой темы. В своё время эмигранты второй волны, среди которых было особенно много творческих личностей, дали в этом смысле достаточное количество талантливых имён и имели все основания утверждать, что в тогдашнем СССР осталась намного более слабая литературная поросль. Более того, творческие и человеческие контакты между уехавшими и оставшимися в то время оказались куда более прочными, чем сегодня, несмотря на все наши интернеты и гаджеты с бесплатным вайфаем, ватсапом и прочим коммуникационным феншуем.

Тогда люди испытывали реальный взаимный интерес друг к другу. И даже «Литературная газета», ругательски ругая эмигрантскую среду, не могла не цитировать Александра Галича и Иосифа Бродского, не упоминать французскую русскоязычную «Мулету» или яркие статьи Андрея Синявского (Терца). Правда, упоминания эти делались в основном без указания авторства порицаемых строчек, однако избежать или проигнорировать их было невозможно – без этого и собственный литературный процесс внутри страны становился «купированным», как уши у породистой, но умеющей лишь выполнять команды тренера собачки.

Однако, накал страстей иссяк с падением «железного занавеса», наделавшего при своем исчезновении куда меньше шума, чем пресловутая Берлинская стена. «Античная» (то есть анти-режимная) поэзия и в России, и за её рубежами, внезапно осталась на «бестемье» – исчез удобный идеологический жупел, по которому можно было залихватски палить из всех стволов. Поиск адекватной замены ведётся и сейчас, но масштабы несопоставимы...

Думается, здесь надо поговорить, прежде всего, о том, как трагична для творчества и творческих личностей становится потеря читателя – утрата публики. Оседлав того или иного конька и продвигаясь на нём к людям, автор не всегда улавливает тот момент, когда дорога заканчивается, и все, кто стоял на обочинах, расходятся по своим делам. Большая тема – «за» человек пишет или «против» – самодостаточна и увлекательна. Исчезая, она, подобно «Титанику», утаскивает с собой в глубину имена и произведения.

Когда такая тема появляется, опять-таки существуют заметные и хорошо отслеживаемые тенденции, на первых порах объединяющие

творчестве мигрантов и резидентов. Но с каждым днём опять все виднее и сильнее расслоение.

Так бывает, когда изголодавшаяся компания прорывается через внезапно открывшиеся двери фуршетного зала к богато накрытым столам. Сперва расхватывается всё самое дорогое и яркое. И здесь все равны (хотя есть отдельные граждане, уже в этот момент умеющие выбрать нечто по собственному вкусу, но таковых мало). Затем формируются любители рыбного и мясного, белого и красного, крепкого и десертного. И тогда становится заметно, чего именно не хватает в той или иной группе, что вызывает у нее наибольший энтузиазм и даже ажиотаж.

Хорошо ли это?

Нет, ни разу. Поэт – как бы это ни отрицалось или ни оспаривалось, всегда формирует общественное мнение. Вернее, скажем более точно: хотел бы его формировать. Ибо этим самым одновременно формирует и собственную публику, своего Читателя. Когда автор обладает рецепторами «обратной связи», он успеваает заметить, что читающее его сообщество слегка переело кислого, и пора переходить на солёное. Когда он действует «согласно инструкции» – опираясь на опыт успешных предшественников – он практически неизбежно торит себе дорогу к забвению.

Тут действует «принцип лозунга». Можно увешать всю улицу транспарантами «Мир, труд, май», но граждане рано или поздно перестают их замечать. Пробовали. Помним. Однако, мало кто почему-то понимает, что в обратную сторону процесс работает точно также, только носители слоганов «Не мир, не труд, не май» более обидчивы – они апеллируют к совести проходящих мимо, и не замечают, что именно совесть призывает тех отмечать уже новые краеугольные камни нового социального строительства. Как результат – разочарование и ставшее сегодня «общим местом» обругивание всего народа в целом – дескать, «не дотягивает эта биомасса до высоких чувств». Ругаются на чём свет стоит, однако обижать своего читателя – дорога в никуда. Вот понять его – задача достойная. Но поняв, придется что-то менять и в собственном мировоззрении.

Резюмирую.

Каковы бы ни были причины отъезда человека на постоянное место жительства в другую страну, если он продолжает писать и думать на родном языке, его связь с Отечеством не прерывается. Однако, связь эта должна быть *реальной*, а не «желаемой». Даже «внутренняя миграция», свойственная когда-то российским дворянам, пытавшимся улучшить жизнь народа по лекалам Европы, привела их к провалу, а

победили в той социальной сваре, к сожалению, лакеи – те, кто обладали достаточной жаждой занять место «господ», но и достаточным слухом для того, чтобы уметь говорить с массами.

Так давайте брать лучшее – даже от тех, кого мы почитаем своими противниками. Репутация поэта – не количество «лайков» в соцсетях и даже не колеблемый придыханиями воздух во время чток на литературных вечерах. Поэт делается поэтом тогда, когда он слышит реально волнующие людей мелодии мира. О «выживании» должны думать социологи. Воспевание ванны и Моссельпрома даже гениальных авторов доводило до трагедий – зачем же повторять этот опыт? Но вот поиск взаимопонимания – поиск нового языка и способов соединить свой народ, а не разъединять его – это задача покруче «Фауста» Гете. Ибо она «вне келейна». Она заставляет стоять на открытом ветру восприятия и принимать на себя всю живую реакцию тех, кто остановился послушать. И вот тогда становится совершенно безразлично, по какую сторону границы человек читает свои стихи – ибо тогда мы опять имеем дело с «веществом поэзии». Которое границ не признаёт и не имеет.